

РАЗВИТИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1921-1939 гг.)

Янушевич И.И.

УО «Белорусский государственный университет»

Рижский мирный договор 1921 г. положил начало новому достаточно продолжительному периоду истории белорусского народа. После ужасающих событий Первой мировой войны, принесших неисчислимые бедствия и страдания, кардинальных социально-политических изменений вследствие революции 1917 г. в Петрограде и установления власти большевиков, череды военных кампаний вдобавок территория Беларуси подверглась варварскому разрыву на части. Наметившиеся тенденции к возможности нормального и достойного развития белорусского этноса были пресечены правительствами других стран. Расчленение никоим образом не могло способствовать формированию национальной культуры, духовно-нравственных основ и государственных традиций белорусского народа.

Статьи договора обязывали и Советскую Россию, и Польшу не применять никаких дискриминационных ограничений в этноконфессиональной сфере. На самом деле ситуация выглядела практически противоположно. Большевики продолжили начатую в 1917 г. практику внедрения в массы антирелигиозной идеологии и материалистического мировоззрения, воинствующий атеизм стал определяющим в деле реализации государственной политики в отношении церкви. Руководство Польши в основу этноконфессиональной политики положило доктрину национальной ассимиляции славянских меньшинств. Представляется, что важнейшей составляющей государственно-церковных отношений в данной ситуации является политика по отношению к христианским конфессиям, попытка исследования которой и будет предпринята в статье.

Новое атеистически настроенное политическое руководство Советской России религии и церкви отводило роль стремительно исчезающих общественных институтов. В силу того, что бороться одновременно со всеми религиозными организациями большевики не имели возможности, главным их политическим противником стала Русская Православная Церковь (РПЦ), как сильный идеологический оппонент, резко выступавший против насильственных действий, представлявший мощную оппозиционную силу, располагающую громадным экономическим потенциалом. В белорусских губерниях до Первой мировой войны действовали 2693 православные церкви (Минская губерния – 800, Могилевская – 804, Гродненская – 544, Витебская – 425), 21 мужской и 14 женских монастырей, около 2000 церковноприходских школ, 3 духовные семинарии. Православная церковь имела до революции статус государственной и получала определенные преимущества перед иными культурами.

Не имея какой-то более-менее ясной антирелигиозной программы деятельности большевики пошли по пути уничтожения идеологического и экономического потенциала Церкви, а так же разрушения ее административно-управленческой структуры. Очередным поводом для атаки стал голод 1921 г. в Поволжье, где перед угрозой голодной смерти оказались около 34 миллионов человек. Под предлогом организации помощи голодающим в первой половине 1922 г. было проведено практически полное ограбление храмов, более того, даже если подвергнуть сомнению данные протоиерея М. Польских о том, что уже в 1922 г. было расстреляно только в Минской епархии 49 священников, то все равно мнимое сопротивление изъятию ценностей станет в дальнейшем поводом для возбуждения большого количества уголовных дел и в первую очередь над митрополитом Минским и Слуцким Мельхиседеком [1; 214].

Усиление позиций нэпа, укрепление крестьян экономически и неурожаем 1924 г. способствовали сведению религиозной деятельности в 1925–1926 гг. к минимуму. Применялись наиболее мягкие формы работы, точечные удары по наиболее опасным участкам. Однако такое позиционное противостояние привело к усилению влияния религиозных организаций, и в условиях сложной внешнеполитической ситуации с начала 1927 г. в БССР церковный вопрос вновь поднимается чрезвычайно остро. В 1922 г. и в 1927 г. были попытки создания сторонниками митрополита Минского и Белорусского Мелхиседека Белорусской Автокефальной Православной Церкви. Данные автокефалии были попыткой избежания пагубных действий «обновленцев» по разрушению православия и сохранения чистоты канонов Церкви. Идея создания национальной церкви была более присуща общественным деятелям, чем духовенству.

8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают Постановление «О религиозных объединениях». Все предписания Постановления были направлены на разобщение верующих и церковной жизни, а также взятию под контроль власти любых религиозных действий. Государство направляло на антирелигиозную деятельность колоссальные человеческие и материальные средства, однако по-прежнему большинство населения продолжало нуждаться в вере в Бога и никак не переходило на атеистические позиции в соответствии с программными документами партии. Основные успехи антирелигиозников были в деле закрытия храмов. С лета 1927 г. под различными благовидными предлогами регистрация и перерегистрация общин откладывалась на неопределенный срок. К началу 1929 г. действовало 1013 православных храмов. За 1930 г. было закрыто 573 церкви, в 1936 г. осталось только 74, а к 1940-м гг. в БССР не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения [2; 173].

Еще «успешней» шел процесс уничтожения православного духовенства. Точечные аресты в 1920-е гг. хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны. Большинство приговоров духовенству выносилось на 3 или 5 лет высылки в Севкрай или заключения в концлагеря. С 1929 г. ситуация коренным образом изменяется. Перед органами ставилась задача сломить любое сопротивление осуществляемым в стране мероприятиям. В одном только 1930 г. было арестовано 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [3; 300]. Самыми кровавыми были 1929–1933 гг., 1935 г. и 1937 г. В 1937 г. – первой половине 1938 г. в БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и архиепископов [3; 304]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны, скорее всего, к сожалению, по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [2; 179].

Сложным был для православных период нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой. Польское правительство жестко регулировало религиозную жизнь. Православная церковь оказалась в весьма затруднительном положении. Варшава нуждалась в независимой от Москвы Православной церкви. На тот момент в Польше проживало от 3,5 до 5 миллионов православных. На территории государства оказались епархии Холмская, Варшавская, Виленская, Гродненская, а также часть Волынской и Минской. Под давлением властей в 1922 г. была объявлена автокефалия Церкви, создавались условия для полного подчинения православных клириков установкам политического руководства. Несогласные с проводимыми мероприятиями иерархи и священнослужители отстранялись от работы, подвергались арестам, высылались в центральные районы. Многие вынуждены были покинуть страну. 13 ноября 1924 г. патриарх Константинополя дал

благословение на автокефалию Польской церкви, а в следующем году был выслан соответствующий томос. Автокефалия Польской церкви была признана всеми православными церквями, кроме Русской. Церковь была разделена на 5 епархий – Варшавско-Холмскую, Волынскую, Гродненскую, Виленскую и Полесскую. С середины 1930 - х гг. впервые в истории в православных храмах молебны начали проводиться на польском языке. Вскоре все епископские кафедры были заняты людьми, готовыми сотрудничать с властями. 12 апреля 1924 г., вслед за Константинопольской патриархией, в Польской церкви был принят новый календарь – так называемый новоюлианский. Нововведение активно помогали осуществлять польские чиновники, но многие священники и народ были против календарной реформы. Агрессивную атаку властей на православных поддерживали консервативные католические круги. Особенно ярко это проявилось в борьбе за храмы. По инициативе ксендзов в 1930 г. были возбуждены дела о ревендиции 500 православных храмов. 300 из них перешли к католикам. Многие богослужебные здания захватывались католиками самовольно, а государственные органы никак не реагировали на факты грубого нарушения законодательства. Отобрание православных храмов не носило характера государственной необходимости. Многие из них не использовались по прямому назначению или обслуживали незначительное количество прихожан, в то время как православные были лишены возможности удовлетворения своих религиозных чувств [2; 200; 4; 12-38].

Резкая антиправославная политика большевиков способствовала временному облегчению деятельности Римско-католической церкви (РКЦ). Общее количество верующих католиков, проживающих на территории Беларуси, составляло около 2,5 млн. человек. В 1917 г. была произведена реорганизация епархиальной структуры Могилевского архидиоцеза, в состав которого были включены 6 епархий: Могилевская, Минская, Луцко-Житомирская, Каменец-Подольская, Ковенская и Саратовская. В 1917 г. была возобновлена деятельность Минского диоцеза [5; 28]. Папа назначил ее бискупом ксендза З. Лозинского. В 1917 г. в 456 парафиях с 157 филиалами и 162 каплицами служили 917 ксендзов. 1 октября 1918 г. в Минске была открыта Католическая духовная семинария. После подписания Рижского мирного договора в границах бывшей Минского диоцеза осталось 7 деканатов, 55 парафий, около 160 тыс. верующих и 14 священников [6; 31].

Весной-летом 1922 г. взаимоотношения советской власти с Римско-католической церковью значительно обострились в связи с проведением кампании по ограблению храмов и направлением папой меморандума Генуэзской конференции. Папский Престол предложил участницам конференции заключить с Россией соглашение о том, что она дает гарантии полной свободы совести всех граждан, возможности свободного отправления религиозных культов и обрядов, возврата религиозным общинам движимого имущества. В ответ митрополит могилевский Я. Цепляк и настоятель костела св. Екатерины в Петрограде К. Буткевич были приговорены большевиками к высшей мере наказания. Постановлением ВЦИК 29 марта 1923 г. смертный приговор Цепляку был заменен на 10 лет тюрьмы, а затем и на высылку из пределов СССР. К. Буткевич 31 марта был расстрелян.

С середины 1920-х гг. внимание властей к РКЦ значительно усиливается. Судебный процесс над Я. Цепляком, его высылка из СССР в некоторой степени ослабили жесткое противостояние Москвы и Ватикана. В сотрудничестве были заинтересованы обе стороны. Папа изъявил готовность идти на некоторые уступки в вопросе деятельности РКЦ в СССР. Многие приходы, ранее отказывавшиеся от государственной регистрации, начали ее проходить. В то же время Католическая церковь и в условиях советской власти не

оставляла попыток расширения зоны своего влияния. В 1923 г. патриарх Тихон отмечал, что, пользуясь происходящей в Православной церкви неурядицей, папа всяческими путями стремится насаждать в СССР католицизм. Для активизации такого рода деятельности в 1925 г. в Риме при Конгрегации Восточных Церквей была образована комиссия "Pro Russia", которую возглавил иезуит Мишель д'Эрбиньи. Комиссия занималась не только помощью католической миссии в СССР, но и миссионерской работой среди русской эмиграции в Европе. В 1926 г. рукоположенный в епископский сан д'Эрбиньи приехал в СССР, где совершил несколько тайных епископских хиротоний и произвел реорганизацию католических епархиальных структур. На территории Советского Союза вместо прежних диоцезов были открыты четыре Апостольской администрации: Московская (еп. Пий-Эжен Неве); Ленинградская (еп. Антоний Малецкий); Могилевская (еп. Болеслав Слосканс) и Крымская (еп. Александр Фризон) [7; 63].

В целом репрессии против католических священнослужителей были значительно менее жестокими, чем гонения на православное духовенство. Если представителей последнего подвергали расстрелам, арестам и ссылкам, то католических клириков чаще всего лишь высылали из СССР (так, в 1925 г. в заключении находилось всего 8 священников-католиков). Предпринимаемые советским руководством меры по борьбе с РКЦ, особенно после с 1927 г. дали свои результаты. К концу 1920-х гг. деятельность Костела на территории СССР была практически полностью загнана в подполье [8; 78]. В западных регионах, расплывшихся значительным социальным потенциалом, власти еще не решались на проведение огульных закрытий храмов. В БССР на начало 1929 г. действовало 111 католических храмов [9; 45], однако к концу 1930-х гг. деятельность римско-католических организаций была свернута.

Перед Костелом польским правительством ставилась четкая и однозначная задача ополячивания и окатоличивания населения. На эти цели выделялись значительные финансовые средства. Быстрыми темпами увеличивалось количество католических костелов. К примеру, если в 1915 г. в Пинской диоцезии насчитывалось 55 храмов, то в 1935 г. – 130 [2; 200]. Костел всячески стремился ограничить любую деятельность православных и белорусских организаций. РКЦ выполняла роль идеологического надсмотрщика.

Польские ксендзы негативно относились ко всему белорусскому. Белорусское католическое движение всячески притеснялось. Ксендзы-белорусы переводились в польские парафии, им не давали возможности нормально работать, некоторых подвергали арестам. Особенно усилилось давление на белорусских католических священнослужителей в связи с деятельностью во второй половине 30-х гг. Корпуса охраны в приграничных территориях, когда любого «неблагонадежного» ксендза могли выслать в центральные районы. Во многом процесс окатоличивания и ополячивания в Западной Беларуси являлся пропагандистским. Уже по результатам переписи 1921 г. 22 % православных были записаны поляками [10; 412] и полностью исчезли белорусы-католики, которых насчитывалось около миллиона [10; 412; 11; 257]. Не совсем пока понятно, можно ли доверять результатам той же переписи 1931 г., утверждающим, что по сравнению с 1921 г. количество католиков увеличилось примерно на 970 000 человек, процент католиков от общей массы верующих вырос с 42 до 48. Еще одним фактором религиозной жизни было возобновление деятельности католиков восточного обряда. Ватикан предполагал через униатство привлечь некоторую часть православных на свою сторону, хотя и практически безрезультатно, не смотря на значительные средства и силы, вложенные в кампанию [12; 73].

Массовые закрытия большевиками церквей и костелов, аресты, высылки, преследования священнослужителей вызывали отток верующих в протестантские общины. Последние смогли найти более оптимальные, чем традиционные конфессии, формы работы с верующими и государственными органами власти. Немаловажную роль при этом в условиях глубокого экономического кризиса играла и финансовая помощь из-за границы. Лютеране и кальвинисты (реформаты) действовали здесь уже более четырех веков, однако располагали узкой социальной базой и незначительным экономическим потенциалом, поэтому не оказывали на социально-политическую ситуацию какого-то весомого влияния и постепенно практически растворились среди верующих других деноминаций. На поле конфессиональной жизни выходили неопротестантские организации: евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), адвентисты седьмого дня (АСД), христиане веры евангельской (ХВЕ или пятидесятники) и др. В Россию баптизм проник в 1820-е гг., в 1870-е гг. получил свое массовое распространение, в том числе и в Беларуси, в основном среди немецких колонистов и латышей. Первой была создана баптистская община в д. Уть Добрушского р-на. В 1905 г. там был построен первый молитвенный дом [13; 127].

Первые общины пятидесятников, берущих начало от американской церкви «Ассамблея Бога», образовали в республике резмигранты из США, а также бывшие военнопленные и миссионеры во время Первой мировой войны. В Западной Беларуси властями поддерживалось распространение протестантских течений как реального противовеса православия. Прозелитизм протестантов ускорял процесс ассимиляции белорусского народа. Принятие идеологии «новой веры» означало отказ от своей национальной принадлежности. Миссионерская деятельность различных зарубежных протестантских организаций в Западной Беларуси принимала широкий размах. Особой активностью отличались пятидесятники. Верующим навязывалась идея богоизбранности США, сатанинского происхождения советской власти и необходимости принятия нового правильного религиозного учения. Миссионерская деятельность пятидесятнической «Ассамблеи Бога» подкреплялась весомыми финансовыми средствами. Почти все их миссионеры являлись штатными сотрудниками американских миссионерских организаций [14; 36]. Наибольшее распространение протестантизм получил в южных районах Беларуси. Этому во многом способствовало то, что позиции православия и католицизма были там не так прочны, как в других регионах. На Полесье к 1934 г. число пятидесятников возросло до 3 794 человек. После распада в 1925 г. Союза евангельских христиан и баптистов Польши в Беларуси начали действовать Союз баптистов, Союз евангельских христиан и Союз церквей Христовых. Данные организации имели хорошую материальную базу, свои издательства, разветвленный миссионерский штат. Во второй половине 30-х гг. Союз баптистов насчитывал 85 церквей и 275 филиалов, Союз церквей Христовых – 75 общин [2; 213]. Адвентисты седьмого дня создали первую свою общину в 1925 г. в д. Федоры Столинского р-на [13; 139]. К середине 30-х гг. в западной территории адвентистов насчитывалось около 250 человек. В БССР в это время действовали, по меньшей мере, две группы АСД численностью 26 человек [14; 43].

Массовое распространение в восточных областях протестантизм получил только с установлением советской власти. Провозглашенная новым политическим руководством страны борьба со всеми религиозными культами на практике выражалась в агрессивном наступлении на Православную церковь. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. подрывал экономический базис традиционных конфессий и, по мнению протестантов, полностью удовлетворял их требованиям: «Свершилось поистине историческое событие: некогда «презренные сектанты» – баптисты оказались

на равных условиях с некогда привилегированной православной церковью» [15; 38]. В. И. Ленин и некоторые иные руководители партии видели в сектантстве, как в то время называли и протестантские течения, тактического союзника в борьбе с традиционными вероисповеданиями. Вождь революции отношение к религии определял в подчинении ее практическим лозунгам, которые выдвигало политическое руководство. 4 января 1919 г. был издан декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», в котором законодательно была установлена возможность прохождения альтернативной воинской службы или же полное освобождение от ее [16; 14]. В протестантских доктринах присутствовала идея социального и экономического равенства. Лидер баптистов П. Павлов не исключал возможности союза с коммунистами.

В советской части до 1925 г. сектанты практически не преследовались, а до 1927 г. они свободно, в отличие от православных и католиков, проводили съезды, конференции, организовывали миссионерскую и издательскую деятельность [8; 200]. По официальным данным в 1926 г. в БССР действовали 49 сектантских общин, в 1930 г. – 89. К середине 1920-х гг. у политического руководства страны окончательно сформировались взгляды о несостоятельности мнения о сектантах, как о чем-то целом и революционном. Несовместимость провозглашаемых сектантами лозунгов реальным антиправительственным действиям, противоречия между религиозной доктриной и государственной идеологией дали повод компетентным органам для начала репрессивных действий. 1926 г. стал поворотным во взаимоотношениях властей и сектантских организаций. Совещание при Агитпропе ЦК ВКП(б) констатировало, что в «количественном отношении целый ряд сект являются массовыми организациями, насчитывающих в своих рядах миллионы членов» и «сектантство представляет собой мелкобуржуазное, главным образом крестьянское движение, и большим влиянием в нем пользуются буржуазно-кулацкие элементы» [17; 50]. Однако деятельность протестантских общин было практически невозможно контролировать. Дальнейшее административное давление на сектантов привело к тому, что большая их часть стала дробиться и действовать нелегально, а верующие вынуждены были тщательно скрывать свои религиозные чувства.

Таким образом, правительства обоих государств нарушали положения мирного Рижского договора в сфере реализации этноконфессиональной политики. Властями проводилось жесткое регулирование религиозной жизни в соответствии со своими политическими приоритетами без учета мнения и желания самого белорусского народа. После воссоединения белорусских земель на западную часть была распространена советская модель взаимоотношений с церковными организациями.

Литература

1. Новые мученики российские: В 2 т. / Сост. М. Польских. – Джорданвилль: 1949. – Т. 1.
2. Навіцкі, У. І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20-30-я гг. XX-га ст. // Канфесія на Беларусі / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998.
3. Протьюко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 20026.
4. Болтрык, М. Як разбуралі цэрквы / М. Болтрык – Мінск: ОРТАПРЭС, 1999.
5. Кандрусевіч, Т. Каталіцкая царква ў кантэксте рэлігійнай сітуацыі ў Беларусі / Т. Кандрусевіч // Беларуская думка. – 2009. – № 5. – С. 28-31.

6. Міхалік, Л. Лёсы каталіцка духавенства ў першай палове XX стагоддзя на тэрыторыі Беларусі / Л. Міхалік // Няхай сведчанне іх веры не забудзецца. Лёс каталіцкага касцёла на Беларусі ў 1917–1953 гг. – Непакалянаў: 2000.

7. Венгер, А. Рим и Москва. 1900-1950 / А. Венгер. – М., 2000.

8. Лебедев, А.Д. Политика Советской власти в отношении Римско-католической церкви в БССР (1917-1929 гг.) / А.Д.Лебедев // Научные труды Республиканского института высшей школы: исторические и психолого-педагогические науки. / Республиканский институт высшей школы; под ред. М.И. Демчука [и др.]. – Минск, 2009. – С.74–79.

9. Дубянецкі, Э. С. Міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў 20-я гады XX-га стагоддзя: Дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Э. С. Дубянецкі– Мн.: 1995.

10. Коўкель, І.І. Аб паходжанні тэрміна “Заходняя Беларусь”, яе тэрыторыі, нацыянальным і канфесійным складзе насельніцтва (1921-1939г.) / І.І.Коўкель // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы Международной научной конференции, Гродно, 16–18 ноябр. 1999 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: У.Д. Розенфельд [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 407–415.

11. Лісейчыкаў, Д. Беларуская дыяспара і нацыянальна-дзяржаўнае развіццё Польшы ў 1921-1926 гг. / Д. Лісейчыкаў // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы Международной научной конференции, Гродно, 16–18 ноябр. 1999 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: У.Д. Розенфельд [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 255–257.

12. Мартос, А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, Аргентина. 1966. Репринт – Минск: Белорусский экзархат Русской Православной Церкви, 1990. –237 с.

13. Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси. – Мн., 2000.

14. Дьяченко, О.В. Миссионерская деятельность пятидесятнической церкви в Беларуси / О.В. Дьяченко – Могилев, 1999.

15. Братский вестник. - 1977- №2.

16. Савинский, С. Военный вопрос в евангельско-баптистском братстве в первые годы советской власти / С. Савинский // Религия и право. – 1998. – № 1-2.

17. Митрохин, Л.Н. Баптизм: история и современность / Митрохин Л.Н. – СПб: 1997.